

---

---

# КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

---

О.Н. Павлова

## РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ МУЖСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (Психоаналитическая работа со сновидениями)

---

**Аннотация.** В статье осмысляется актуальная в силу множественных запросов психоаналитическая работа, целью которой является установление зрелой гетеросексуальной мужской идентичности. Анализ проблематики деформированной сексуальности мужчины на базе данного клинического случая поднимает вопросы теоретического осмысления роли женских идентификаций в бисексуальном поле мужской идентичности. Главный акцент научного рассмотрения в этом плане оказывается в области материнских репрезентаций как базовых предиспозиций для оформления внутриспсихических объектов женского, необходимых для внешних взаимодействий и установления отношений с женщинами. Другим характерным для неустойчивой мужской сексуальности аспектом, необходимым к осмыслению становится специфический комплекс страхов, динамически изменяющийся в процессе психотерапевтической работы. Не маловажное место в функционировании сексуальности мужчины занимает тема гомосексуальности, в отношении которой изучены ее функции, определена центральная роль — защита от установления эдипальной сексуальности. Основным инструментом психотерапевтического процесса и базисом для теоретических выводов является толкование сновидений.

**Ключевые слова:** психология, психоанализ, идентичность, сексуальность, гомосексуальность, сновидения, толкование, мужское, женское, материнское.

В данном тексте будет представлена психоаналитическая работа с проблемами в дисфункционировании мужской идентичности, основным акцентом рассмотрения в которой будут ее гомосексуальные содержания. Интересен вопрос относительно того, являются ли переживания, идеи и фантазии мужчины о собственной гомосексуальности действительными проявлениями гомосексуальной природы его сексуальности, или же они скрывают под собой нечто иное, являясь ширмой для других залегающих под ними бессознательных конфликтов? Как гомосексуальность на внутренней психической арене участвует в борьбе против наступления зрелой эдипальной сексуальности мужчины?

Приведенный ниже клинический случай, его психоаналитическое осмысление в русле заданной темы, дает некоторый предварительный ответ на поставленный вопрос в виде спектра бессознательных смыслов использования гомосексуальной проблематики в рамках действующей мужской идентичности.

В результате пролонгированной психоаналитической работы, включающей глубинную трактовку сновидений, выявлено четыре роли или функции гомо-

сексуальности, играющие важную роль в идентичности мужчины.

Во-первых, это гомосексуальность как проявление инфантильной сексуальной идентичности, при которой еще не существует осознанного самоопределения в физиологическом телесно предопределенном поле. Поддержание идентичностного андрогината связано с определенными внутриспсихическими конфликтами. Вопрос «почему я должен отказываться от своих желаний, если я вдруг когда-нибудь захочу секс с мужчиной?» и негативный ответ на него рождает бурный анальный протест, отыгрывание которого становится священной войной с совестью. Реализация гомосексуального желания не как истинного желания, а как возникшей непереносимости идущего извне (культура, общество) и изнутри (Супер Эго) запрета и вытекающей из него острой необходимости попросту преодолеть наложенное вето — опасно. Оно не приводит к желаемому результату, поскольку данное влечение возможно к его реализации у зрелого мужчины в силу его табуированности культурой и Супер Эго лишь в пространстве ментальных фантазий и влечет за собой далеко идущие последствия в виде чувства вины, и даже

скорее стыда, которые требуют в качестве компенсации нарушения табу и облегчения этих чувств — сурового наказания, если не сказать кары. Последствия нарушения данного табу описаны еще в античной древности, и дошли до нас в виде мифа о слепом Тиресии, кстати, пророчествовавшем Эдипу о совершенном им incestе. Миф описывает месть Богов за нарушение человеком закона «быть в одном поле», поскольку переходить из пола в пол и получать удовольствие, будучи в разных телах дозволено лишь Богам. В аспекте приложения мифа к данной ситуации становится ясным, что в связке гомосексуальность — андрогения появляется третий агент — нарциссизм, облеченный в одежды желаемого всемогущества и богоподобия, некой сверхчеловеческой возможности, силы и наслаждения. Здесь в динамике эмоционально сферы в качестве помощников или катализаторов, поддерживающих андрогинное состояние надо указать чрезмерно активизирующиеся чувства жадности и зависти и характерное для шизоидно-параноидного мира<sup>1</sup> — отрицание потери. Потеря в данном контексте рассматривается как утрата возможностей второго пола в бисексуальности сексуальной идентичности, для определения человека в соответствии с биологически заданным полом. В то время как индивидуум ощущает себя мужчиной или женщиной, другая часть сексуальной идентичности остается в имплиците как некоторые потенциальные психические содержания (чувства, фантазии, ощущения, идеи и др.), возможные к активизации на уровне внутриспсихического пространства, имеющего отношение скорее к личностной, нежели чем к сексуальной идентичности.

Во-вторых, сопряженная с первым предположением об андрогинности идея невозможности разделения внутриспсихического мира и внешней реальности, приводящая к отсутствию границ между мыслями, чувствами, фантазиями с одной стороны и внешними действиями, активностью с другой. Данная психическая недифференцированность внешнего и внутреннего не позволяет «классифицировать» желания, потребности как одни — возможные к удовлетворению во внутреннем поле, другие — во вне. Фактически ситуация с такой идентичностной проблемой отсылает нас, метафорически говоря, к бутылке Клейна (объемный вариант ленты Мебиуса), у которой существует лишь одна поверхность, то есть идентичность существует лишь как имеющая «одну сторону» — внешнюю ре-

альность. Бессознательное схлопывание, отсутствие внутриспсихического пространства, проявляющего себя во снах, мечтах, фантазиях разного уровня осознанности приводит к тому, что всё внутриспсихическое наполнение незамедлительно выбрасывается и реализуется в виде действий в реальном мире. Инфантильные гомосексуальные фантазии бессознательно или предсознательно существующие в психическом мире взрослого мужчины выдавливаются на уровень сознания для их незамедлительной реализации. Такая вынужденность ситуации с гомосексуальными фантазиями и желаниями в данной ситуации будит тревоги мужчины, а порой и приводит в ужас. В данном варианте с детства воспитываемое и ожидаемое положительное мужское качество ориентированности на реальные действия оборачивается против него. Оказывается, что не все то, что приходит в голову — нужно стремиться осуществить.

Третьим аспектом использования гомосексуальности в отклоняющемся от истинного ее предназначения — получения сексуального удовольствия смысла — становится понимания гомосексуальности как симптома в рамках патологии личности в ряду других симптомов и динамического процесса трансформации симптомов в психотерапевтическом процессе. В данном приведенном ниже клиническом случае пациента Б. процесс трансформации симптоматики шел в следующей последовательности. Начальное состояние пациента может быть определено как симптомы страха смерти, связанные с высокой панической тревогой по поводу предполагаемой болезни сердца, шейных сосудов, подводящих кровь к мозгу, в дальнейшем в терапевтической работе заменившимися страхами заболеть венерическими заболеваниями. Следующим шагом в терапевтическом процессе, продвигающем идентичностный рост, взросление становится замена последних указанных страхов на страхи, связанные с собственной гомосексуальностью. Неожиданно выскочивший как черт из табакерки страх гомосексуальности пропитывает все жизненное бытие Б., к примеру, покупая для себя новые духи Шанель «Blue», которые ему понравились по запаху, Б. сразу же начинает себя подозревать в «голубятне», думая о том, что выбрал духи из-за названия, и, связывая этот выбор с тем, что якобы указывает на его гомосексуальность. Психотерапевтический процесс данного пациента «шел в ногу» с возвращением его сексуальной идентичности, когда-то приостановленной в его психосексуальном развитии, и сексуальность наполняя внутреннюю вселенную отзывалась страхами из разных этапов развития, что собственно и указывает на динамику идущего процесса.

<sup>1</sup> Здесь имеется в виду кляйнианская стратиграфия личности: шизоидно-параноидная и депрессивная позиции. См. по этому поводу: Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Перевод с англ. А.Ф. Ускова. СПб: Б.С.К., 1997.

Четвертый момент относительно гомосексуальности — это страх перед «женским» как внутриспсихическими образами, так и перед реально существующими женщинами и сексуальным взаимодействием с ними. Здесь гомосексуальность становится фактором смещающим либидонозный поток с одной цели на другую, что связано с тем, что цели реализации сексуальности на женских объектах слишком переполнены высокой интенсивности страховыми компонентами. В этом случае гомосексуальный выбор объекта становится «меньшим злом», чем вступление в воду гетеросексуальности. По поводу этих компонент можно сказать следующее, это не единое пространство, а скорее пестрое, разнородное сопряженное пространство многих мужских страхов помноженных друг на друга: страх наблюдения женских гениталий, страх кастрации, афанизис Э. Джонса (более ранний, чем кастрационный страх лишения сексуального удовольствия) и др.

Вся «история» фобий пациента Б. и их трансформаций в терапевтическом процессе от фобии смерти к фобии венерических заболеваний и, наконец, к фобии гомосексуальности имеет единый глубинный корень, все фобические симптомы последовательно проявляющиеся в процессе терапии могут быть редуцированы к единому началу, которое прячется за разными проявлениями — фобия женского, как внутреннего или внешнего объекта вызывающего к действию сексуальные влечения. Сама зрелая (эдипальная) сексуальность, проявляющаяся как на телесном уровне в виде сексуальных ощущений и позывов и на ментальном уровне в виде желаний, мыслей, фантазмов вызывает острый страх, бессознательно нагруженная смыслом пугающей тяжелой болезни — сначала смертельной, потом венерической, затем гомосексуальной.

Рассмотрим клинический случай Боящегося Борца в аспекте поднятой темы гомосексуальности.

В силу сложившихся жизненных обстоятельств, имевших место в семье, в которых мой пациент, будучи совсем маленьким ребенком, участвовал, процесс психоэмоционального развития в общем и становление его сексуальной идентичности в частности шел в сторону организации развития негативного Эдипового комплекса.

Бабушка пациента, которая была главным ответственным лицом в его жизни, замещающим мать, хоть и не была столь стара для мальчика, чтобы не смочь заменить материнский объект в становящейся у него сексуальной идентичности, лишь эпизодически могла участвовать в его раннем развитии, осуществляя в основном общий присмотр: одет, обут, накормлен. Большую часть времени в раннем детстве Б. находился в контакте с ее престарелой матерью (возраст около

80 лет), прабабушкой, которой было поручено в силу обстоятельств, случившихся в семье, осуществлять уход за ним.

Сама мать пациента в силу ли своей молодости (16 лет), ветреного склада натуры совсем не занималась своим ребенком и вскорости, после рождения второго ребенка, сестры моего пациента, совсем исчезла из жизни мальчика, покинув эту семью, когда ему было что-то около двух лет.

В дальнейшем его совсем также молодой отец приводит в дом другую женщину, женится на ней и объявляет ее матерью моего пациента, который по этому поводу, будучи еще ребенком дошкольного возраста был в недоумении относительно того «как это могло случиться, что у папы и мамы свадьба, а он уже есть». В голову отцу приходит ничего лучшего, как уничтожить все следы существования матери пациента: фотографии, документы. Новая жена усыновляет Б. Спустя несколько лет отец Б. расходится и с ней, однако рожденная в этом браке дочь, еще одна младшая сестра Б. остается в семье, после того как ее мать покидает их. В доме появляется очередная женщина отца, когда мой пациент учится в младшей школе.

Таким образом, как видно из изложенных событий, процесс становления психического мира и мужской идентичности Б. происходит в атмосфере странного женского царства, состоящего из бабушки, прабабушки, двух младших сестер и сменяющихся матерей, которые изгоняются отцом, оставляя после себя след виде дочери. Мужские фигуры, которые могли быть стать основой его формирующегося мужского начала миражны, поскольку в этой семье мужчины присутствуют лишь номинально: дед алкоголик и молодой отец, занятый своей сексуальной жизнью с женщинами и раскруткой бизнеса.

Частые, непредсказуемые и неожиданные для совсем маленького мальчика, каким был тогда мой пациент, смены материнских фигур создавали ситуацию дезориентации и непонимания мальчиком происходящего. Множественные и не возможные к закреплению связи с различными материнскими фигурами окрашивались цветами потерь: не успев привязаться к одной женщине-матери, он ее уже терял. Все эти внешние события совсем не способствовали организации во внутреннем мире устойчивого хорошего образа матери и хороших объектных отношений в контексте внутренней связи его я — репрезентации с материнским имаго. Материнский объект, создающий и предзадающий «место» всем дальнейшим женским внешним объектам не смог быть сформирован, «материнское» и «женское» как образы внутреннего мира, на которых должны были бы строиться в дальнейшем взаимодействия с женщинами,

оказались в закрытой к доступу зоне. Либидонозные чувства мальчика вынуждено были перенаправлены к более константному объекту, отцу мальчика, который хоть и был холодным, недоступным, отвергающим, но неизменно присутствовал, хоть и негативно в жизни мальчика. Все детские годы прошли под эгидой «мучений по отцу»: ожидания его прихода, внимания, тоски, печали и нехватки. Отголоски терзаний Б. нашли свое место в терапевтическом процессе, «события» которого разворачивались на ментальном уровне уж больно по гамлетовскому сценарию<sup>2</sup>. «Бедный Йорик», олицетворяющий образ страдающего от отца мальчика, постепенно трансформировался в полного бессознательный желаний мести и более осознаваемой вины Гамлета.

Случившееся в предподростковом возрасте травматическое событие хорошо вписывается в контекст происходящего с моим пациентом, с точки зрения психоаналитической оценки бессознательных смыслов событийной линии жизни. Более старшие мальчики из дворовой компании склоняют его к гомосексуальным действиям — фелляции, в процессе которой он чувствует сильное, не доходящее до его осознания удовольствие, которое закрепляется в его памяти, поскольку в дальнейшем он уже сам по своей инициативе организует сексуальную игру со своими сверстниками (в этой игре, как и со старшими мальчиками, он играет пассивную роль женщины). Некоторое время спустя ситуация всплывает в школе, следует большая разборка, отец узнает о случившемся и жестоко ремнем наказывает мальчика, зачитывая из списка имена тех, кто участвовал в происшедшем. События, разворачивающиеся в реальности, сильно напоминают сюжеты инфантильных мальчуковых фантазий «ребенка бьют»<sup>3</sup>, использованных З. Фрейдом для изысканий в области сексуального мазохизма. Во внутреннем поле развивающейся мужской сексуальной идентичности Б. сексуальное удовольствие сплавляется с негативными компонентами страха и боли, становясь источником усиленного мазохистического удовольствия, в рамках эдипового негативного конфликта утверждается мужская фигура — отец.

<sup>2</sup> Здесь имеется в виду не содержание, а психоаналитическая трактовка Гамлета У. Шекспира, которая предполагает, что бессознательная подоплека сюжета — эдипальный конфликт, борьба мальчика с отцом за мать и желание смерти ему. См.: Фрейд З. *Царь Эдип и Гамлет* // *Художник и фантазирование*. М.: Республика, 1995 и Lacan, Jacques. *Le désir et son interprétation. Séminaire 1958-1959*. Paris: A.L.I., 2005. P. 576.

<sup>3</sup> Фрейд З. «Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // *Захер-Мазох фон Л. Венера в мехах. Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха. Фрейд З. Работы о мазохизме*. М.: РИК «Культура», 1992. С. 314-317.

Как показывает дальнейшая история жизни Б., этот образ инцестуозно желаемого отца из бессознательной фантазии «ребенка бьют» оказывается прочно зафиксированным в пространстве психического мира моего пациента. В момент его прихода в психотерапию и еще долгое время спустя, помыслы Б. строго устремлены в сторону отца, всеми «фибрами своей души» он тогда находился с ним в перманентной деструктивной ментальной связи. В то время я только и слышала от него постоянные размышления, разговоры об отце и об их отношениях через призму глубоких обид на него. На встрече со мной Б. постоянно жаловался на отца, что тот вторгается в его жизнь, наводит свои порядки. Пациент говорил о том, как отец приезжает домой к Б. без объявления, подолгу живет, устанавливает свои законы на территории сына, контролирует его, указывает ему что делать, не считая Б. взрослым и автономным, видит его как никуда не годного, не способного ни к чему, чтобы сделать что-то хорошее и правильно, не смотря на то, что Б. является очень успешным бизнесменом и живет самостоятельно.

Однако при объективной оценке со стороны того, что отец в реальности возможно и вел себя подобным образом, в большей степени интерес представляют интроспсихические содержания и их динамика, связанные с мазохистическими инцестуозными фантазиями в стиле «ребенка бьют». Внешний реально существующий отец является экраном для проекций жесткого морализующего Супер Эго моего пациента, которое строго наказывает Б. за бессознательные инцестуозные желания, идущие из далекого детства, перверсивно искаженные в сознательные идеи жестокого обращения и отношения отца к Б, фантазии, связанные с гомосексуальным оральным взаимодействием, где мой пациент играет роль принужденной к фелляции женщины, униженной и оскорбленной. Эти фантазмы, оставаясь на бессознательном уровне, находили свое некоторое компенсаторное удовлетворение в стремлении пациента к сексуальным половым контактам с транссексуалами. С другой стороны они реализовывались в области как бы свободной от сексуальности, где при участии Супер Эго они были трансформированы в ситуацию моральных страданий пациента от собственного отца, садистическо-мазохистических интеракций, в которых отец вместо объекта удовлетворяющего инфантильные инцестуозные сексуальные устремления Б. превращается в морального насильника, орально (словами) мучающего моего пациента.

Психоаналитическая работа и в том числе над проблемами сексуальности пациента Б. шла в основном в контексте работы со сновидениями, которых было большое, если не сказать огромное количество. Бед-

ность реальной жизни на события, переживания компенсировались сновидческой деятельностью — яркой, метафоричной, динамичной — как будто там и была настоящая жизнь для Б., а дневное существование было лишь бледной копией и промежутком, вынужденно заполняющем паузы между ночным существованием. По началу работы сны «ничего не говорили» Б., лишь пугали своим непонятным ему содержанием. Он рассказывал мне сновидения на встрече сплошным потоком, я чувствовала себя сидящей у окна в вагоне скорого поезда и пытающейся разглядеть в окно что-то очень важное, но слишком быстро проносящееся мимо меня. Я пыталась объяснить Б., что могут значить на самом деле все эти появляющиеся во сне объекты и это не всегда давалось легко по нескольким причинам. С одной стороны я не всегда сразу могла догадаться, что скрывается за явными образами — в чем суть метафоры, с другой стороны, он, не смотря на то, что прикладывал все усилия, пытаясь понять, что я имею в виду — не достигал инсайта: сама суть символического перевода ему была не ясна. Говоря метафорически — это было что-то, что являлось для него новыми знаниями, фактически абакадаброй, которые преодолевая трудности, нелегко «входили Б. в голову». Особенно трудно удавалось расшифровать сновидческие образы, связанные сексуальностью, — они были для меня не очень прозрачны, поскольку метафоры были характерны для другого уровня культуры человеческого существования и общения (деревенский менталитет), нежели чем тот, к которому я привыкла. К примеру, он видит сон, в котором перед домом его детства на лавочке сидит его бабушка, а по всему палисаднику разложено свежее аппетитное мясо (сырое). Его ассоциации привели к детским воспоминаниям о том, что он любил кушать мясо куском, но не мог есть его, если там попадались жилки и жир. Эти включения вызывали тошноту, которую я интерпретировала как чувство отвращения, но как можно было бы расшифровать мясо, мы так тогда и не поняли. За попыткой прояснить ситуацию я обратилась к помощи другого психотерапевта — мужчины, который очень быстро мне проинтерпретировал «мясо» как вызывающе сексуальную женщину (проститутку). Сам Б. за интервал нашего перерыва между встречами пришел к такому же для себя выводу. Обсудив выявленный скрытый смысл, был достигнут консенсус, что так во сне проявляется его сексуальный голод, влекущий его к контактам с проститутками — легко доступными женщинами, выставляющими на показ свою сексуальность. Мой комментарий относительно дериватов данных чувств, укорененных в его сексуальных чувствах к бабушке, остался за бортом его принятия.

Многие мои толкования остаются как бы без отклика и всплывают в дальнейшем в виде отсроченного к пониманию текста.

С вертекса обсуждаемой тематики интересно проследить изменения образов женского и их внутриспсихических интеракций в трансформационном психоаналитическом процессе. Непосредственно связанные с ними трансформации в его мужской идентичности отмечены важными вехами в сновидческом процессе, выполняющем и отражающем в данном случае восстановительную функцию мужской идентичности и одновременно сигнализирующую о произошедших изменениях. Сны пациента Б. расцениваются мной в парадигме, предложенной Ж.-М. Кинодо — как «переворачивающие страницу»<sup>4</sup> в истории эволюции ментального поля.

Первый сон, принесенный Б. в самом начале психотерапевтического процесса, ярко отражал тематику проблем в мужской идентичности Б., четко символически обрисовывая «психопатологию» психического пространства и особенности переносных реакций, как это и принято предполагать в современном психоанализе<sup>5</sup>. Символизм сна четко говорил мне, как они будут разворачиваться в процессе терапии. Сновидение сопровождается моими неозвученными вслух впечатлениями, которые я указала в тексте его рассказа о сне.

### **Сон инициальный (первый в терапии):**

Пациент Б. видит себя и девушку, у которой есть пенис, «маленький такой, может большой клитор». (Я думаю про себя, что такой орган, как могло казаться маленькому мальчику, есть у пожилой женщины, бабушки, которая его воспитывала, когда он мог ее видеть голой, к примеру, в бане). Далее он говорит о том, что они со сне собираются заняться сексом, но спорят по поводу того использовать презерватив или нет. (В дальнейшем в разворачивающейся динамике психотерапевтического процесса анонсированная во сне ситуация станет прообразом для фобии заразиться венерическими заболеваниями). Сексуальный контакт никак не свершается, хотя напряжение растет. (Я думаю о недоверии в отношениях между нами, которое он может чувствовать в процессе нашего узнавания друг друга).

После моего вопроса «Кому надо одеть презерватив?», поскольку пенисами обладают оба, он уточняет мне, что они собирались заняться оральным сексом. (Этот его ответ, собственно, мне ничего не проясняет

<sup>4</sup> Quinodoz J.-M. *Dreams That Turn Over a Page*. — Brunner — Routledge, 2001.

<sup>5</sup> Беккер А. *Психоаналитическая теория сновидений* // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998.

относительно сексуальных ролей и предпочтений Б., но оральный секс теперь звучит как метафора разговора, мог бы быть зашифрованным символом беседы в наших отношениях — и получения удовольствия в ней). Во сне, как он чувствует, за стеной есть еще кто-то третий, кто наблюдает за ними из соседней комнаты, возможно мужчина и еще кто-то, кто постоянно врывается в комнату и тоже мешает. (Я думаю о том, что ситуация во сне все более и более приближается к описанию действительности нашей встречи, потому что в реальности мой муж ведет прием своих пациентов в соседней комнате. Здесь возможно обозначение третьей персоны как эдипальной, на которую направлены негативные чувства и/или являющейся скрытым объектом его желания (отец). Во сне был еще кто-то, кто не был посчитан, кто захотел остаться непронумерованным, а значит не признанным, инкогнито. Думается это образ одной из инфантильных частей селф Б., имеющей отношение к маленькому мальчику, стремящемуся проникнуть в родительскую спальню и в то же время оказывающей сопротивление психоаналитическому процессу.)

На мой вопрос как выглядит девушка, он отвечает, что это реальная девушка, маленькая, худенькая с темными волосами. (Я понимаю, что образ увиденной во сне женщины полярен тому как выгляжу я, и это дает мне повод подумать о том, что раз в переносе действует такое сильное сопротивление (цензура сновидения), эдипальные желания жестко подавляются Супер Эго.)

После сна Б. рассказывает эпизод из своей жизни о реализации его желания заняться сексом с такой женщиной, у которой есть пенис (транссексуал). Этот момент кажется мне очень сокровенным и интимным с точки зрения того, о чем он рассказывал, я думала о том, что люди такое скрывают или рассказывают с чувством стыда, которого я в тот момент у Б. совсем не отметила, с другой стороны я впечатлена неожиданно оказанным мне недоверием. Впоследствии он скажет, что этот рассказ стал важным моментом в наших с ним отношениях, с одной стороны он испытал облегчение, с другой — он действительно очень стыдился говорить об этом, но пытался изо всех сил не показать мне этих чувств, и для него стало важным мое спокойное слушание его.

Обсуждение сна было на следующей встрече, и я попыталась проинтерпретировать ему, что этот сон о наших с ним отношениях, и о том, как они переживаются, чувствуются им. Б. сказал, «что вот об этом он точно не думал», когда пытался понять сон. Я добавила, что он пытается понять, как мы можем доверять друг другу и что в этих встречах ему важно получить удовольствие.

По мнению Б. презерватив — это символика недоверия в отношениях между людьми и необходимости защищаться. Я говорю ему, что он не доверяет мне и по этой причине ему необходимо защищаться от меня. Б. искренне не понимает о чем я говорю. Я использую его мнение для того, чтобы точнее передать ему его чувства рядом со мной, пыталась сказать ему, что ситуация его напряжения в терапевтических отношениях для меня звучит в метафоре: как будто он весь сам в презервативе с головы до ног, и его это сковывает, создает неудовольствие и вызывает переживание стыда. Он пытается спрятать от людей, меня, да и себя самого свои эмоции и к этому еще добавляется страх: вдруг этот кто-то заметит, что он презерватив на себя натянул? Мое предположение, что пенис у девушки — символическое обозначение моего авторитета в его глазах, и то, что Б. «делает» его меньше чем мужской (его), возможно, указывает на восприятие моей фигуры психотерапевта как женской или на его большую силу, чем у меня. Пенисная символика становится для меня маркером регрессии на фаллическую стадию его психической вселенной.

Следующая встреча и сновидения, рассказанные на ней Б., позволяют глубже погрузиться в его прошлое и в глубины бессознательного, а также разворачивают действие эдипальной ситуации, в которой бабушка является главной фигурой, активизированной в переносных терапевтических отношениях.

Перед началом рассказа своего обычного потока снов пациент Б. отмечает, что стал больше проявлять чувств во снах. Его сообщение для меня звучало и как его возникшая большая возможность позволить себе переживать чувства пока хотя бы в сновидении и в то же время как попытка сопротивления — отреагирования, смещения чувств в сон, а не переживания их в реальном нашем взаимодействии.

### Сон 2:

Пациент Б.: «Я летал во сне (говорит с удовольствием), я бежал по зеленой траве в лесу, и она все больше становилась болотом. И я подумал, что ведь я могу лететь и полетел, я летел и подо мной было болото, которое я пролетал, но потом стал заваливаться на бок. И дальше я в вертолете, но нет пилота, кто управляет, а вертолет кренится, болтает, падает».

Результатом работы с данным сновидением стала основная идея, что в момент получения удовольствия, очень скоро, что-то с Б. происходит, что-то ломается в нем самом («нет возможности больше лететь — получать удовольствие»), и он из живого могущего летать самого по себе (спонтанность, жизненность) превращается в механический летательный аппарат (не живого,

закостеневшего). В подтверждение вывода Б. описывает эпизоды из своей жизни, коммуникации с реальными людьми как он напрягается и «зависает», говоря его словами, в общении. Вертолет становится метафорой, описывающей состояние обрушения удовольствия и актуализации защитного панциря, переживаемого душевно и телесно как состояние недифференцированной невербализуемой напряженности. Я выдвигаю предположение о том, что быть напряженным — это ожидание ситуации, где он будет переживать стыд?

Последующие встречи становятся дорогой ведущей к постепенному углублению в прошлое, в сновидении происходит регрессия от современного этапа жизни Б. к подростковому и к раннему детскому (3-4 года) возрасту. В снах этого этапа явно можно выделить повторяющийся аспект — удовольствие, наслаждение в разных временных контекстах его детства, с постепенным обращением все глубже в прошлое.

### Сон 3:

Б. приходит в квартиру к другу в родном городе. В руках два чугунных горшка с цветами, не понятно живыми или искусственными. Он ставит их у двери, звонит и отходит.

*Комментарий: два горшка обозначают две его части личности — живую и неживую (панцирь). Ситуация сновидения описывает дилемму маленького мальчика, приносящего маме какашки в горшке, примет ли она их? Примет ли психотерапевт те чувства, которые он несет ему на встречу?*

Девушка из первого сна открывает ему, он пришел заняться с ней сексом и он проходит за ней, но в коридоре ему попадается ее подруга, совершенно голая, он начинает трогать и ласкать ее и чувствует безумное наслаждение. Этот фрагмент он описывает (квартиру) как воспоминания из подросткового периода. Первая девушка уходит с Брюсом Уиллисом.

*Комментарий: Переносная фигура психотерапевта, так же как и репрезентация Я пациента, подвергается расщеплению, на сцене сна появляется соблазняющая пациента часть психотерапевта, ярко проявляет себя его инфантильная детская селф, представленная эдипальным желанием к матери и его удовлетворением. Одна из частей психотерапевта — матери в переносе отдана в качестве компромисса отцу — Брюсу Уиллису (образ мужчины в соседней комнате из первого сна, мой внешне похожий на Б. Уиллиса муж или объект его желания (отец)), дабы не вступать в эдипальное опасное соперничество).*

Дерево около дома его детства и под ним песочница, он в ней играет. На скамейке около Б. его бабушка. Он садится к ней, у их ног три стакана пенящегося кваса

(огромное удовольствие его детства — бабушкин квас). Б. сидит на скамейке и разговаривает с бабушкой ни о чем, Б. отмечает, что здесь не важна беседа, важно что-то другое. Он в одних плавках и совершенно мокрый и испытывает большое удовольствие, все подходят и им мешают, он отдает им два стакана кваса, чтобы они ушли, он хочет остаться с бабушкой один.

Фактически это очень реалистичный сон, проходящий из памяти детства и хранящий реальные воспоминания об инфантильных сексуальных чувствах к бабушке, что Б. обозначает как что-то другое, и в которых Б. достаточно трудно себе признается. В сновидении звучит переносное повторение контекста «объект желания — стремление к нему — получение удовольствия и мешающие элементы», объекты переноса меняются — девушка в другом сне, психотерапевт в реальности — за их фигурами — образ бабушки. Квас — хранящий в себе имплицитное содержание спермы, голый мокрый Б. и яркий момент удовольствия все это моменты запрещенной в реальности сексуальности в силу ее инцестуозной подоплеки.

После моей интерпретации о том, что все это обозначает его переживание удовольствия в разных периодах его жизни, но по сути остающимся одним — острым сексуальным инфантильным вождением разного возраста мальчика: сексуальное желание, возбуждение и взаимодействие (ласки) в подростковом возрасте, и удовольствие от кваса и детское сексуальное влечение ребенка каким он был к бабушке. Замечательным призом и наградой за мои старания становятся его ответные откровения о том, как Б. спал с бабушкой в одной постели в детстве, укутавшись в ее большие груди, и это было лучше всего на свете, маленькому мальчику было так уютно и спокойно.

Следующим этапом в терапии становится бегство от позитивной эдиповой ситуации в негативный комплекс, терапевтический процесс окрашивается переживаниями злости и борьбой с ней и со страхами смерти, которые постепенно замещаются тревогой заболеть венерическим заболеванием. Во внутреннем поле идет яростная борьба за и против зрелой эдипальной сексуальности, которая страшно пугает. По этой причине сексуальность регрессирует на разные более ранние свои площадки: оральности и анальности. Этот этап пропитан жалобами на отца, ничто более его так не интересует как он и их отношения. Пациент видит сон, в котором он в темном бурном страшном море на острове (постаменте) стоит на карачках, а рядом большая фигура женщины (бабушка в образе статуи на Мамаевом кургане «Родина мать зовет!»). Из воды выныривает человек, он держит коробочку, это оказывается арбалет. Этот человек направляет арбалет на Б.,

собираясь его убить, и задает ему вопрос, на который Б. должен обязательно ответить: «В чем смысл его жизни?» Б. очень страшно, он хочет жить, но ответ на вопрос он не знает. По-моему, достаточно прозрачно во сне проявляется переносная фигура психотерапевта и экзистенциальный кризис, спровоцированный процессом психотерапевтического исследования, высвечивающего центральные смыслообразующие жизненные проблемы человека, вернее их провальность. Рассматривая данное сновидение с позиции включенных в него сексуальных контекстов, можно отметить зарождающиеся тенденции гомосексуальности: анальная вода грязного темного моря, специфическая поза сновидящего и фаллос-стрела, направленная на него.

Разворачивающаяся идентичностно-трансформационная динамика в дальнейшем озаглавлена ситуацией с все усугубляющимися страхами венерических заболеваний и переживаниями «похмельного» чувства вины после случившегося секса. Этот период характеризуется серией снов, отражающих страхи перед женским, с особым акцентом фобичности на женских гениталиях. Во сне возникают образы женских половых органов, при виде которых Б. испытывает ужас. Бессознательное Б. в сновидении как бы постепенно приоткрывает изображения женской сокровенной телесности от снов рисующих женское-материнское (женщина и ее грудь) до непосредственных бесстыдно открытых женских генитальных образов. В первых, «прикрытых» снах он видит обнаженную девушку и восхищается ее большой красивой грудью и отмечает, что больше ничего не видел, поскольку она сидела ногу на ногу. В последующих, где, к примеру, Б. сидит прекрасным летним днем в открытом кафе с симпатичной девицей за столиком, у него что-то падает под стол, и он опускается вниз и оказывается лицом к лицу с ее выставленными на показ женскими гениталиями, что портит все дело, приводя его в ужас. «Я не хочу заниматься сексом с этой вагиной», — резюмирует Б. в это время. Именно с вагиной, а не с женщиной, как будто она существует самостоятельно и отдельно от женщины.

Далее ментальное поле наполняется психическими презентация мужского генитального органа, однако, в большей степени представленного через представления маленького мальчика о своем пенисе. Пациент видит сон, где дом его дяди охватывает по углам огонь, начинается пожар, и он достает огнетушитель, но он оказывается слишком маленьким. Наблюдается подъем либидонозной энергии в терапии, который в силу успешной работы с сопротивлениями и защитами от запрещенных бессознательных либидонозных желаний приоткрывает дорогу им и ведет к переживанию сексуального пламени, охватывающего его душу в реальной

жизни. Эти моменты, представлены во сне метафорой полового акта как тушения горящего дома, принадлежащим взрослому мужчине. С «таким пожаром» очень трудно иметь дело маленькому мальчику, которым он себя ощущает в фантазии, поскольку его пенис еще не вырос и не адекватен для зрелых женских гениталий с точки зрения участия в половом контакте, чего Б. собственно и желает и что нужно для нормализации символической ситуации с пожаром. В этих снах он находится в состоянии состязаний с другими лицами мужского пола, постепенно все более участвуя в этом мужском эдиповом соперничестве.

Сновидением, отражающим более поздние этапы в терапии, связанные с гомосексуальными активациями становится линия снов с содержанием о радиоактивности. К примеру, Б. видит сон, где в пещере, заполненной ледяной прозрачной чистой водой, вертикально на хвосте плавает рыба, похожая на стерлядь с большим длинным носом. Во другом сне к нему домой приходит отец и приносит пирог с этой рыбой, но Б. подозревает, что пирог радиоактивный. Сновидение отражает зарождающуюся фаллическую мужскую символику идентичности Б. (внешний вид стерляди). Однако, приходящая со стороны идентификаций с отцом как с объектом влечений, она таит в себе невидимую опасность, в метафоре радиоактивность отождествлена с сексуальностью. Осознание собственной мужской сексуальности и процесс восполнения целостности мужской идентичности и наполнения нарциссических резервуаров любви к себе самому откликается страхами собственной гомосексуальности. Если Б. мужчина, и он сам себе нравится, а не гомосексуальность ли это, ведь любовь мужчины к мужчине именно так и называется в нашей культуре.

Апофеозом трансформаций сексуальности идущих в раскачивающемся процессе борьбы с ней и ее принятия становится серия снов с бассейнами. Один из них может быть обозначен как ключевой в понимании происходящего во внутреннем психическом поле моего пациента. Б. видит прекрасный бассейн, объединяющий в своем образе многие бассейны, в которых он плавал. Там чистая прозрачная вода, и в нем плавают красивые яркие маленькие рыбки. Б. плавает среди них с большим удовольствием. Все очень цветное, солнечное как среди коралловых рифов в Египте, где он очень любит поплавать на отдыхе. Постепенно вода в бассейне мутнеет, грязнеет, и появляются другие более крупные рыбы. Ему становится страшно, тревожно, Б. чувствует отвращение. Среди новых рыб он отмечает похожие на стерлядь (которая уже снилась в другом сне как фаллический символ, психическая репрезентация мужского органа — пениса), угри и улитки. Б. во сне думает, «что раз они так быстро на

глазах размножаются, видимо очень грязно становится в бассейне». Эти рыбы очень неприятные, по его мнению. На борту бассейна стоит машина, старый вазовский автомобиль с кузовом на которой ездят таджики в Москве. Заднее сиденье обложено или как бы украшено салом. Б. делает вывод, что из машины бросают сало в бассейн, рыбы едят сало и вырастают в больших. Тут он видит идущую к бассейну бабушку, которая держит под руку дедушку, в руках они несут недоеденную тарелку с супом, которую собираются вылить в бассейн. В углу бассейна под водой сидит котенок с огромными голубыми глазами. Этот угол бассейна пока еще с очень чистой водой. Котенок выпрыгивает из воды и обратно погружается под воду. В другой углу бассейна свалены мертвые котятки, они гниют, загрязняя бассейн, Б. ныряет, пытаясь достать их со дна, но у него ничего не получается. Он отмечает, что на борту стоит еще таз сдохлыми котятками, и тот тоже падает на дно.

По результатам наших совместных интерпретационных усилий выстроилась некоторая картина, представляющая «гистологический срез» психического поля на тот момент времени. Два бассейна обозначают разные миры — детский и взрослый. Взрослый мир загрязнен сексуальностью разного рода представленной символизмом рыб разного вида: фаллической мужской (стерлядь), фаллической женской (угри — морские змеи) и андрогинной (улитки как символ гермафродитизма в европейской культуре<sup>6</sup>). Основным моментом для Б. становится осознание бессознательного негативного отношения и отвращения к проявлениям взрослой

генитальной сексуальности в его психическом поле. Сало, которое он так не любил в детстве также отражает символику сексуального (сальные шутки — шутки о сексуальном). Зрелая генитальная сексуальность не приемлет и загрязняет его «чистую» остающуюся детскую душу, вызывая отвращение, страх и раздражение. Машина, стоящая на борту на самом деле «четверка», ее еще называют пикап — по-английски и на современном языке pick up обозначает «быстро подцепить девушку с целью заняться сексом». Эта машина принадлежит его водителю-таджику, который с его точки зрения «настоящий мужик» и реализовал себя как муж, отец и любовник. Внутренние образы (бабушка, дедушка) и внешние фигуры, все они привносят в душевный мир пациента сексуальные отклики, добавляя в бассейн пищи, которая становится фактором роста рыб — появлением и усилением сексуального влечения и его объектов. Небольшой участок души поддерживается как зона свободная от конфликтной сексуальности, в нем хранятся и живут женские образы, принудительно очищенные от сексуальных влечений (его сестра, знакомая девушка и психотерапевт — все в реальности голубоглазые, которых Б. ассоциирует с котенком). Однако как показывает интерпретация сна, это дается в процессе расщепления — в другом углу бассейн эти образы «гниют» — это иллюзия или обман, что они не вызывают сексуальных откликов и реакций.

Следующий важный этап — проявление эротизированного переноса в пространстве сновидений — появление во сне образа психотерапевта в сексуальных контекстах. Б. начинает видеть сны, где появляется психотерапевт или женщины, внешне похожие на меня. В сновидении дело движется в сторону сексуального взаимодействия, но обстоятельства дела — переносные сексуальные фантазии так пугают Б., что он даже не досматривает последний сон до конца. Мой комментарий, что же там должно было бы быть дальше, приводит его к мысли о половом акте, что сильно пугает Б. Несколько позднее, переработав тревожащее содержимое, он скажет: «Я решил даже, что не буду видеть снов». И действительно где-то неделю сны не снятся, но накопившееся все равно прорывается, и Б. видит сон, где он с сестрой наблюдает за мной, как я танцую, соблазняя его. Мне не более двадцати лет, и он чувствует желание заняться с этой девушкой во сне (мною) любовью. На фоне эротических переносных снов как оппозиция к ним и меры борьбы с переносным влечением, проявляются другие аспекты сексуальных драйвов, уравнивающие внутренний баланс поля, поскольку пациент испытывает сильный страх быть захваченным либидонозным желанием к женщине и утонуть в нем, лишиться рассудка. Ему помогает в этом активизация гомосексуальных аспектов — он

<sup>6</sup> Процесс полового размножения улиток весьма метафоричен и наблюдение за ним издревна увлекает человека. Символизм «улиточного секса» несет в себе гиперсексуальность, неопределенность половых ролей и агрессивность коитуса. Улитки — гермафродиты, каждая особь обладает и женскими, и мужскими половыми органами. С возрастом у них происходит изменение преимущественного пола на женский. Стремление к спариванию можно определить по поведению. Улитка медленно ползет, как будто что-то ищет, часто останавливается и долго стоит на одном месте, слегка приподняв переднюю часть тела. Если встретятся две такие улитки, они сразу же приступают к «любовной игре». Обе они вытягиваются вверх одна против другой и принимают характерное положение, соприкасаясь участками подошвы, и ощупывая друг друга щупальцами. Движения эти прекращаются через короткое время, улитки падают и, плотно прижавшись друг к другу подошвами, остаются неподвижными 15-30 минут. После периода покоя игра снова возобновляется. Весь этот процесс длится около двух часов, до тех пор, пока, улитка, достигшая большего возбуждения, не воткнет в тело своего партнера любовную стрелу, которая усиливает и его возбуждение. После небольшой паузы происходит акт совоплощения, в котором каждая улитка играет роль и самца, и самки.

видит сны, где он находится в постели, спит со своими друзьями мужчинами, мастурбирующего отца и много других символических образов и действий, отсылающих к пространству гомосексуального.

Окончательный поворот в сторону установления зрелой гетеросексуальной ориентации в мужской идентичности отмечается в сновидении, собравшем в себе многие образы из предшествующих сновидений. Б. на сцене большого стадиона, в руках микрофон, рядом Алла Пугачева. Она забирает у него микрофон из рук. В следующем фрагменте сна он видит постамент (тот же что во сне со статуей Мамаева кургана). На постаменте Алла Пугачева в бюстгальтере и рядом на корточках два молодых человека непонятного пола. Мимо Б. идут два поезда, которые между собой свиваются как змеи.

Трактовка сновидения, произведенная самим Б., отражала новые значительные и значимые приобретения, с точки зрения продвижения в сторону зрелой сексуальности. Сопоставляя два сна, этот последний и сон с постаментом в бурном море видно как радикально изменилась женская идентификация и окружающая ее психическая часть вселенной сексуальной идентичности мужчины. Образ Аллы Пугачевой, которая была любимой певицей бабушки, сменяет агрессивное архаичное имаго матери, представленного в более раннем сновидении на том же самом постаменте. Материнская эдипальная фигура теперь наполнена разрешенной сексуальностью, переработанными эдиповыми чувствами в отличие от хотя и могущественной, но не

вызывающей сексуальных желаний статуи. В связи с произошедшими изменениями в женском образе, уже не так страшно доверить женщине свой мужской главный орган — отдать микрофон. Теперь удовольствие от оральной сексуальности будет происходить адекватным зрелому путем, в том числе и через идентификацию с женщиной, а не попыткой Б. самому стать ей в процессе сексуального взаимодействия. В соответствии с изменением в репрезентациях меняются и контексты внутреннего поля — если в первом сне окружающая атмосфера ужасающая, то здесь она скорее наполнена удовольствием выставления себя на показ.

Долгий трудный терапевтический путь, цель которого в борьбе с внутриличностными множественными страхами и конфликтами на дороге, ведущей к зрелой мужской сексуальной идентичности, еще не закончен и многое предстоит в этом плане сделать. Однако умело пользуясь подсказками сновидений, трактовка которых — путеводная нить Ариадны в лабиринте Минотавра можно добраться до желаемого. Поле мужской сексуальной идентичности в силу тех или иных причин, обусловленных травматичными жизненными коллизиями, представленное женскими и мужскими идентификациями, с явным преобладанием первых и особой их специфичностью, а также внутриспсихическими взаимодействиями между ними может быть реструктурировано в процессе психоаналитической терапии в сторону активизации мужских идентификаций через работу с женскими образами в бисексуальном поле идентичности мужчины.

### Список литературы:

1. Беккер А. Психоаналитическая теория сновидений // Энциклопедия глубинной психологии. Том 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998.
2. Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Перевод с англ. А.Ф. Ускова. СПб: Б.С.К., 1997.
3. Фрейд З. «Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Захер-Мазох фон Л. Венера в мехах. Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха. Фрейд З. Работы о мазохизме. М.: РИК «Культура», 1992. С. 314-317.
4. Фрейд З. Царь Эдип и Гамлет // Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
5. Lacan, Jacques. Le désir et son interprétation. Séminaire 1958-1959. Paris: A.L.I., 2005.
6. Quinodoz J.-M. Dreams That Turn Over a Page. — Brunner — Routledge, 2001.

### References (transliteration):

1. Bekker A. Psikhooanaliticheskaya teoriya snovideniy // Entsiklopediya glubinnoy psikhologii Tom 1. Zigmund Freyd: zhizn', rabota, nasledie. M.: ZAO MG Menedzhment, 1998.
2. Klyayn M. Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nykh istochnikov / Perevod s angl. A.F. Uskova. SPb: B.S.K., 1997.
3. Freyd Z. «Rebenka b'yut»: k voprosu o proiskhozhdenii seksual'nykh izvrashcheniy // Zakher-Mazokh fon L. Venera v mekhakh. Delez Zh. Predstavlenie Zakher-Mazokha. Freyd Z. Raboty o mazokhizme. M.: RIK «Kul'tura», 1992. S. 314-317.
4. Freyd Z. Tsar' Edip i Gamlet // Khudozhnik i fantazirovanie. M.: Respublika, 1995.
5. Lacan, Jacques. Le désir et son interprétation. Séminaire 1958-1959. Paris: A.L.I., 2005.
6. Quinodoz J.-M. Dreams That Turn Over a Page. — Brunner — Routledge, 2001.